

Научная статья
УДК 82.09
doi: 10.20323/2658-7866-2022-1-11-46-59

**Переводы и исследования творчества В. Распутина
и русской деревенской прозы в Китае**

Чжао Ян

Доктор филологических наук, доцент факультета русского языка
Нанкинского университета, г. Нанкин.
yangyang.els@163.com, <http://orcid.org/0000-0003-4232-1307>

Аннотация. В статье представлен аналитический обзор переводов и исследований творчества В. Распутина и русской деревенской прозы в Китае. Автор отмечает, что русская «деревенская проза» и творчество крупнейшего писателя этого направления Распутина обладают незаурядными художественными характеристиками и оказывают важное влияние на китайскую современную и новейшую литературу. В статье подробно рассматриваются основные этапы изучения творчества Распутина и «деревенской прозы» в китайском литературоведении, а также излагаются и комментируются различные исследовательские точки зрения китайских ученых. В статье выделяется три этапа в исследовании данного явления русской литературы: первый этап – 1980–1990-е годы, когда китайские литературоведы сосредотачивали внимание на этической проблематике и вопросах национального характера, усматривая в деревенской прозе попытку духовного спасения и возрождения национального самосознания; второй этап – с 1990-х до первого десятилетия XXI века, когда в период «реформ и открытости» в Китае обострились противоречия между городскими и сельскими районами в Китае, и многие современные китайские писатели выражали в своих произведениях призыв к защите национальной культуры, что вызвало их закономерный интерес к творчеству В. Распутина этого периода, изображающих ожесточенное столкновение национальной культуры и западной цивилизации в период социальных преобразований и, наконец, третий этап, начало XXI века, когда китайские исследования русской

деревенской прозы получают множество новых направлений и перспектив (компаративистские и нарратологические исследования).

Ключевые слова: русская литература XX века; «деревенская проза»; В. Распутин; национальный характер; национальная культура; национальное самосознание; китайское литературоведение; сравнительный анализ

Данная статья выполнена в рамках Цзянсуского социально-научного исследовательского проекта «Взаимоотношения между культурным восстановлением в новой русской прозе и литературной традицией» (номер проекта: 18WWB007)

Для цитирования: Чжао Ян Переводы и исследования творчества В. Распутина и русской деревенской прозы в Китае // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 1 (11). С. 46-59. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-1-11-46-59>

PHILOLOGY

Original article

Translations and studies of V. Rasputin and Russian rural prose in China

Zhao Yang

Doctor of philology, associate professor of the Russian language faculty,
Nanjing University, Nanjing
yangyang.els@163.com, <http://orcid.org/0000-0003-4232-1307>

Abstract. The article presents an analytical review of translations and researches of V. Rasputin's works and Russian rural prose in China. The author notes that Russian “rural prose” and the work of the major writer of this genre, Rasputin, have outstanding artistic characteristics and have an important influence on Chinese modern and contemporary literature. This article discusses in detail the main stages of studying Rasputin's work and “rural prose” in Chinese literary criticism, as well as outlines and comments on the various scientific points of view of Chinese scholars. The article identifies three stages in studying this phenomenon of Russian literature: the first stage - 1980s-1990s, when Chinese literary scholars focused on ethical issues and issues of national character, seeing in the rural prose an attempt at spiritual salvation and the revival of national consciousness. The second stage is from the 1990s to the first decade of XXI century, in the period of “reform and opening up” in China when contradictions between urban and rural areas were intensified, and many modern Chinese writers expressed in their works a call to protect national

culture, which caused their natural interest in V. Rasputin's works, depicting the fierce clash of national culture and Western civilization in the period of social transformations. Finally, the third stage is the beginning of the 21st century, when Chinese studies of Russian rural prose gain many new directions and perspectives (comparativist and narratological studies).

Keywords: Russian literature of the 20th century; “rural prose”; V. Rasputin; national character; national culture; national identity; Chinese literary criticism; comparative analysis

This article has been written as part of the Jiangsu social science research project “The relationship between cultural revival in new Russian prose and literary tradition” (project number: 18WWB007)

For citation: Zhao Yang Translations and studies of V. Rasputin and Russian rural prose in China. *World of Russian-speaking countries*. 2022; 1(11): 46-59. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-1-11-46-59>

1. Исследования «деревенской прозы» в 1980-е и 1990-е годы

Знакомство китайских читателей с В. Распутиным произошло в начале 1980-х гг. В 1982 г. Ван Найчжо впервые перевел для читателей произведения В. Распутина «Последний срок», «Живи и помни», «Деньги для Марии» и «Прощание с Матёрой». В 1986 году Сюй Чжэнья перевел распутинский «Пожар» и опубликовал в журнале «Лотос». С тех пор одно за другим переводились на китайский язык и другие произведения Распутина, такие как «Вниз и вверх по течению», «Век живи – век люби», «Что передать вороне?», «Наташа», «Встреча», «Не могу...» и т. д. Благодаря переводу и распространению в Китае произведений Распутина китайские ученые стали понимать и обращать внимание на русскую «деревенскую прозу», бы-

ли переведены и опубликованы такие знаковые произведения «деревенской прозы», как «Районные будни» В. Овечкина, «Матренин двор» А. Солженицына, «Братья и сестры» Ф. Абрамова, «Привычное дело» В. Белова. Произведение «Районные будни» в переводе известного китайского писателя Лю Биньяня сделало В. Овечкина очень известным среди китайских читателей. «Сельская местность» также стала образцом для подражания самого писателя Лю Биньяня в его творчестве. Таким образом, схожие творческие темы и критика темной стороны общества дали основания называть Лю Биньяня своего рода «китайским Овечкиным».

Очевидно, что творчество Распутина и влияние русской «деревенской прозы» на китайское общество и современную ему литературу, несомненно, тесно связаны с

общими социально-историческими факторами той эпохи. М. Шолохов широко известен в Китае, но его первым произведением, оказавшим большое влияние на современных ему китайских писателей, был не «Тихий Дон», а «Поднятая целина», возможно, из-за явных параллелей между «коллективизацией сельского хозяйства», проводившейся в советской деревне в 1930-х гг., и сходными процессами в Китае в 1950-е гг. Политические и исторические сближения обусловили сильный интерес китайских писателей к Шолохову и русским писателям – представителям «деревенской прозы».

Конечно, популярность советской литературы в Китае обусловлена не только политическими и историческими причинами. Помимо некоторых произведений, в определенной степени приукрашивающих действительность, мы находим в творчестве представителей русской «деревенской прозы» такие замечательные произведения с огромной силой художественной достоверности, как «Матренин двор» А. Солженицына, где автор сосредотачивает свою художественную точку зрения на доме обыкновенной крестьянки, в котором отразились искренность, доброта и стойкость русского народа и жестокость общества. Не случайно известный ученый и исследователь из Китайской академии общественных наук Хоу Вэйхун, рассматривая символическое значение сюжетов и

тематических вариаций произведений «деревенской прозы» считает, что вся «деревенская проза» происходит от «Матрениного двора» [侯玮红, 2014, с. 127]. По мнению китайских ученых, в русской «деревенской прозе» есть много важных и замечательных черт. В первую очередь китайские литературоведы отмечали, что представители «деревенской прозы» стремятся поэтически выразить повседневную жизнь простых крестьян. По этой причине, как считает исследователь Чжао Ян, «писатель преднамеренно выражает условия жизни главных героев (внутренний мир, отношения человека-человека, человека-природы) и типичные черты русской нации с древнейших времен, что в известной мере отражает русский менталитет и культурное самосознание» [赵杨, 2014, с. 43], поэтому писатели не жалели сил, чтобы выразить любовь людей к своей Родине и их ностальгию по древним обычаям. Например, в таких произведениях, как «Прощание с Матерой», «Последний срок» и «Пожар», В. Распутин всегда обращал внимание на взаимоотношения человека, земли и природы, громко призывал вернуться к природе и защитить природу. Китайские литературоведы видят источники творческого вдохновения Распутина в предшествующих литературных традициях, утверждая, что он унаследовал творческий стиль И. Бу-

нина, К. Паустовского и М. Пришвина.

Кроме того, китайские ученые понимают, что важнейшим ориентиром для представителей «деревенской прозы» является исследование нравственных проблем. Главные герои Распутина такие как Анна, Дарья, Настёна и другие ярко воплощают нравственные идеалы писателя и прекрасные качества русского национального характера, отражают культурную психологию нации. Это как раз и есть душа русской «деревенской прозы», такое творчество представляет собой «не только литературное явление, но и явление философское, социальное, историческое, психологическое и даже эстетическое» [Белая, 1982, с. 38]. Писатели критиковали вырождение человеческой морали и призывали беречь традиционную национальную культуру. Главные герои, у которых обычно непростая судьба, обладают поэтически доброй человеческой натурой, способной остро чувствовать внутреннюю боль других и щедро делиться с ними своим душевным богатством. Подобные ценные качества нетрудно найти у В. Шукшина в его рассказах «Чудик», «Земляки», «Солнце, старик и девушка» и др. Китайские литературоведы считают, что именно благодаря этим благотворным нравственным изысканиям некоторые превосходные произведения «деревенской прозы» приобрели значение, выходящее за пределы

времени и пространства [赵杨, 2007, с. 58].

При исследовании творчества писателей «деревенской прозы» таких как Распутин китайские ученые сначала исходили из приоритетности нравственных проблем [周振美, 1991], и больше всего обсуждали вопросы морали и национального характера в своих произведениях. Позиция китайских исследователей в отношении русской деревенской прозы такова, что ее представители стремятся осмыслить национальные проблемы через исследование нравственных проблем и национального характера. Они ищут и воссоздают настоящих русских, которых нет нигде, кроме как в русских деревнях, и именно анализ их внутреннего мира и есть спасение и возрождение «национального самосознания»: подъем русской нации требует «доброты», «покорности», «стоицизма» и даже «смелости», «мудрости» и «самоанализа», а также сплочения духовной силы и единства всей нации. Поэтому в Китае некоторые исследователи, такие, например, как Ян Шихай, отмечали, что «произведениям Распутина свойственны нравственные изыскания, но под этой характеристикой скрывается настойчивое стремление к «сплочению и единству» [杨世海, 2012, с. 204].

Исследуя нравственную проблематику деревенской прозы, некоторые китайские ученые также рас-

сма тривали сходство и различие между В. Распутиным и его современником Ю. Трифоновым. Произведения Трифонова стали яркими образцами «городской прозы» благодаря описанию жизни простых горожан. Так, литературовед Цзян Липин отмечает: «Различия в творчестве двух писателей неоспоримы, но есть и нечто общее, то есть они оба исследуют нравственные проблемы человека» [姜丽萍, 2003, с. 61]. Важным для китайских исследователей был и тот факт, что В. Распутин – это не только писатель, но и общественный деятель, что придает его творениям более глубокую историческую перспективу и глубокий философский смысл. Можно сказать, что Распутин не случайно обратился к традиции и истоку русской нации – к крестьянам: это намерение искать импульс движения вперед в недрах народной жизни изначально таилось в его раннем творчестве.

2. Исследование «деревенской прозы» после 1990-х гг.

Следует отметить, что влияние русской «деревенской прозы» на китайскую литературу постепенно стало исчезать в конце 1980-х годов, но в начале 1990-х годов у китайских писателей вновь возродился интерес к русской «деревенской прозе». Период «реформ и открытости» принес в поле зрения китайцев западную культуру, и китайские ученые начали обращать внимание на Запад. Вместе с активизацией

реформ усилилось и противоречие между городскими и сельскими районами в Китае, а воздействие политики глобализации делало это противоречие все более и более очевидным. В таких условиях известные современные китайские писатели Фэн Цзицай, Цзя Пинва и другие выражали в своих произведениях призыв к защите национального самосознания и национальной культуры. В это время активно продолжался процесс перевода на китайский язык произведений В. Распутина. Профессора Жэнь Гуансюань и Лю Вэньфэй; перевели такие рассказы, как «Женский разговор» «Новая профессия», «Изба», «Нежданно-негаданно», «В больнице», «К вечеру», «На родине», и эти произведения, по мнению китайских литературоведов, ярко отражают судьбу национально-культурной традиции в период социальных реформ. Ожесточенное столкновение традиционных ценностей с западной научно-технической цивилизацией представлено как пессимистическая и безвыходная жизненная ситуация. Китайские литературоведы проводят параллель между теми героями Распутина, которые беспомощны в борьбе с жизненными трудностями, и «униженными и оскорбленными» людьми Ф. Достоевского. Хотя художественное мировоззрение Распутина все еще тяготеет к традициям, его гуманистический пафос и нравственные поиски делают его произведения наполненными глу-

боким философским содержанием. И такая интерпретация китайскими литературоведами творчества В. Распутина совпадает с культурной позицией некоторых китайских писателей, его популярность в Китае как представителя деревенской прозы обусловлена именно сходством культурной концепции в переломный период социальных реформ. В 2005 году повесть Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана» получила в Китае премию «Лучший иностранный роман 21 века», а также вызвала стремление китайских ученых продолжить свои исследования русской деревенской прозы.

Во-первых, некоторые ученые рассматривали эволюцию творчества Распутина в 1990-х годах как своего рода рубеж, отмечая, что «творчество Распутина с 1990-х годов выявило более серьезные социальные проблемы, вызванные духовным кризисом: попрошайничество, разрыв в уровне благосостояния, безработица и преступность. Его произведения до 1990-х годов были совсем другими» [赵杨, 2006, с. 101]. Произведения до 1990-х годов в основном отражают исследование автором таких вечных вопросов, как жизнь и смерть, прошлое и будущее, развитие и прогресс через изображение сельской природы, культурного ландшафта, сельских обычаев, крестьянского характера, раскрывая нравственные проблемы человека в историческом развитии. В произве-

дениях после 1990-х гг. Распутин стал обращать внимание на социальную действительность и на жизненный уклад людей в городе, давать бескомпромиссную суровую оценку нравственной деградации всего общества. По мнению китайских исследователей, «первый Распутин» изобличает отдельные пороки в обществе, не обличая, впрочем, весь социальный строй в целом, второй же – гневно порицает «реформаторов» и полностью отрицает все общество. Если между ними и есть очевидная общность, так это то, что писатель все же всегда обращает внимание на нравственные проблемы людей в социальном контексте.

Другие исследователи творчества В. Распутина установили, что в творчестве Распутина после 1990-х гг., кроме моральных соображений, присутствовала и сильная, как утверждает, например, Ван Ешу, «религиозная направленность» [王焯姝, 2008, с. 46]. Дай Цзинлун отмечает, что «... писатель неустанно исследовал путь к духовному возрождению россиян, оказавшихся в бедственном положении, стремясь помочь людям «навести порядок в их сердцах» [戴经纶, 1993, с. 25]. Этот путь «спасения людских сердец» выражен в произведениях Распутина, по мнению Минь Цина, как «осознание религиозного возрождения» [闵晶, 2013, с. 212]. В рассматриваемых китайскими учеными произ-

ведениях Распутина идея религиозного возвращения стала духовным ориентиром и спасением для персонажей. В рассказе «В больнице» Носов, пытавшийся найти путь для будущего России, находил утешение в религиозных песнях; в «Новой профессии» Алеша проповедует, что Бог милостив, может дать людям счастье. В «Избе» героиня Агафья была похоронена по обычаям православной церкви, и на могиле был поставлен тяжелый листовенничный крест. Здесь писатель намеренно подчеркивает тесную связь человека и веры, которую нельзя разорвать даже после окончания жизни.

Глубокое чувство исторической трагедии заставляет писателя, исследуя корни нации, проявлять глубокую привязанность к земле и неутолимую жажду Христа, источника добра. Эта искупительная ревность вдохновляла когда-то Н. Гоголя, Ф. Достоевского, Л. Толстого и многих других великих писателей, а теперь на плечи Распутина снова легла миссия нравственного спасения. Поэтому некоторые китайские исследователи, например, Ван Пейин помещают творения Распутина в контекст русской истории и культуры, чтобы исследовать влияние религиозного сознания в русской национальной культурной традиции на творчество Распутина. Обращение писателя к религии направлено на поиск пути возвращения русских к духовности,

опираясь на дух Православной Церкви, чтобы получить силу воскресения и, наконец, достичь цели спасения души России» [王培英, 2006, с. 56]. Китайские исследователи распутинской религиозности утверждают, что обращение писателя к религии в широком смысле позволяет сделать сердца людей лучше и следовать духу, который выходит за пределы онтологии и конечного смысла, и в этом отношении распутинское «возвращение в религию», очевидно, состоит не только в том, чтобы осознать высшую ценность и смысл индивидуальной жизни, но и, самое главное, обрести возрождение и национального духа, основанного на «деревенских корнях».

3. Исследования творчества В. Распутина в первое десятилетие XIX века

Дискуссии китайских исследователей о русской «деревенской прозе» на примере В. Распутина в последние 10 лет уже не ограничивались такими известными вопросами, как «мораль, человек и природа, экологическая цивилизация, религиозное сознание». Исследовательские концепции китайских ученых становились все более широкими и разнообразными.

В области сравнительного литературоведения у некоторых ученых, исследующих феномен деревенской прозы, появляются новые исследо-

вательские перспективы. Одно из таких направлений – это сопоставление творческих индивидуальностей В. Шукшина, В. Астафьева и В. Распутина как коренных «сибирских» писателей, имеющих сходное происхождение и жизненный опыт, точки соприкосновения в различных мировоззренческих вопросах. Подобную исследовательскую стратегию мы видим в работах Сунь Тина, рассматривающего различные варианты описанного тремя писателями «сибирского текста»: статуса Сибири в русском культурном пространстве, ее особого географического положения, исторической культуры и экономического положения: «Они совместно писали жизненный опыт Сибири, и эта «литературная гетеротопия» в советском культурном пространстве, помимо отражения и представления действительности, представляет стремление к «децентрализации» единого общего дискурса» [孙婷, 2019, с. 28].

Еще одно направление компаративистского исследования творчества В. Распутина в китайском литературоведении – это сравнительное изучение Распутина и современных китайских писателей. Некоторые исследователи (например, Ли Цинной) считают, что проблема «город-деревня» является общей темой современного китайского писателя Лу Яо и В. Распутина, русской и советской литературы:

«Распутин и Лу Яо глубоко привязаны к своим родным городам. Они выступают против губительного воздействия цивилизации, они твердо отстаивают статус национальной традиционной культуры. Лу Яо также стремился к тому, чтобы китайская деревня как можно скорее интегрировалась в процесс модернизации, поэтому он выступил с критикой отсталости традиционной культуры» [李勤余, 2016]. Китайский литературовед Сюй Боян отмечает, что «сходный опыт сельской жизни, уникальные региональные культурные особенности и некоторые общие характеристики двух стран в процессе социальных преобразований сближают сибирских писателей, таких как Распутин, и китайских писателей, таких как Цзя Пинва, Лу Яо и Чэнь Чжунши и др., формируют очень схожее творческое видение и сближение эстетических вкусов, что делает их романы уникальными по значимости для сравнительного исследования» [许勃阳, 2018]. Поэтому некоторые исследователи берут в качестве примеров произведения сибирских писателей и писателей провинции Шэньси, чтобы обсудить их различные размышления и исследования по различным нравственным вопросам в переходный период общества, и сравнить их нравственные тенденции и эстетические идеалы, чтобы дать пред-

ставление о процессах в современном Китае.

Еще одним уникальным ракурсом является интерпретация китайскими учеными русской «деревенской прозы» и творчества Распутина с точки зрения теории нарратологии, что, например, предпринимает Чжао Хайся [赵海霞, 2021], соглашаясь с американским исследователем Петерсоном в том, что «письмо Распутина фактически вызывает давно забытую русскую классическую повествовательную традицию» [Peterson, 1994, с. 81].

Хоу Вэйхун, известный ученый Китайской академии общественных наук, рассматривает внутреннюю связь между мыслью западного Просвещения и современной русской «деревенской прозой» и констатирует, что «русская реалистическая литература после распада Советского Союза продолжала вносить новшества в условиях кризиса... Можно сказать, что русская литература по-прежнему играет важную роль в просвещении народа, продолжает предпринимать новые попытки исследовать путь свободы и будущее направление развития России. Возрождение «деревенской прозы» – свидетельство этой попытки» [侯玮红, 2014, с. 126].

Профессор Ван Чжигэн, известный ученый из Нанькайского университета, резюмировал значение образа «старых людей» в совре-

менной русской литературе с точки зрения «нарратива старости» и указал, что их утверждение смысла смерти в жизни близко русской национальной культурной концепции. В своей статье он показал, что для стариков в таких произведениях Распутина, как «Прощание с Матёрой», «Последний срок», «В ту же землю» и др., переживание смерти на самом деле означает понимание жизни и нравственное совершенство» [王志耕, 2018].

Относительно творчества Распутина в его последние годы русский писатель Я. Проханов замечает, что противоречие между социальными потрясениями и потребностями людей определяет трагизм позднего творчества Распутина [Проханов, 2015]. Китайский ученый, профессор Ван Лидань также указывает в своем исследовании на глубокие противоречия в духовном мире писателя, что как раз и стало в какой-то мере дополнительным объяснением точки зрения Проханова: «Когда резкие перемены во внешнем мире стали необратимой данностью, когда стремление общества и страны к новому и изменениям стали необратимыми, писатель по-прежнему отстаивает последовательное стремление к нравственному идеализму и культурному консерватизму, что в итоге приводит к двойственности творческого мышления писателя, а также его пессимистическому мироощущению и

периоду молчания в последние годы его жизни» [王丽丹, 2019, с. 173].

Нельзя отрицать, что традиционные писатели, такие как Распутин, Белов и Астафьев, столкнувшись с огромным влиянием западной культуры, выдвинули такие лозунги, как «возрождение национального самосознания и поиск национальных корней», и создали множество превосходных образцов русской «деревенской прозы». Однако точно так же, как «славянофилы считали, что у России есть врожденное моральное преимущество перед Западом, русские писатели XX века, ориентированные на классические традиции, также признают славянскую нацию высшей нацией. Хотя они принадлежат к разным эпохам, националистические концепции, скрытые в их художественном мышлении, превосходили время и пространство России и до сих пор существуют в постоянно меняющемся мире» [赵杨, 2014, с. 153]. Поэтому в различные периоды существования русской «деревенской прозы» мы можем видеть народную культуру, народные представления о земле, православный дух и другие этнические традиционные культурные элементы. Очевидно, что культурный мотив деревни претерпел процесс трансформации от личного опыта к коллективному опыту и универ-

сальной семантике и теперь стала символом всей России. «Деревенская проза» была влиятельным направлением в истории русской литературы второй половины XX в., в ней не только непосредственно затрагивались вопросы крестьянской жизни, но и обсуждались вопросы, связанные с национальными проблемами, Россией и Западом в широком смысле. Исходя из этого, нам нетрудно понять, почему Распутин в своем последнем литературном произведении «Дочь Ивана, мать Ивана» создал более сильный и мощный образ русской женщины, чем в предыдущих произведениях. «Преступник» в романе – кавказский юноша, а искательница справедливости – типичная «русская мать» из деревни – такие совпадения неизбежно заставляют задуматься о глубоком недоверии и неприязни писателя к иностранцам.

Заключение

Нет сомнения, что «деревенский комплекс» и «национальное сознание», предложенные русской «деревенской прозой» в лице Распутина на фоне глобализационного течения мысли, всегда будут для нас способом продвижения и возрождения традиционной национальной культуры как ценного духовного ресурса. В последние годы несмотря на то, что исследования китайских ученых русской «деревенской прозы» были объединены общими

национальными, социальными и культурными проблемами, им все еще не хватает глубокого и широкого критического духа, особенно с теоретической точки зрения «национализма». Ввиду значительного влияния русской литературы на современных китайских писателей на протяжении длительного времени

всестороннее изучение творчества представителей русской «деревенской прозы» поможет китайским исследователям осмыслить мировое значение национальной культуры и преодолеть узкий культурный национализм и утрату национальных традиций.

Библиографический список

1. Белая Г. А. Философско-этическая проблематика современной прозы ... Гуманистический пафос советской литературы. Москва : Советский писатель, 1984. 384 с.
2. Проханов А. Распутин: Империя и народ // «Завтра», №12, 26 марта 2015 года.
3. Peterson D. E. "Samovar Life": Russian nurture and Russian nature in the rural prose of Valentin Rasputin [J]. The Russian Review, 1994 (1).
4. 侯玮红.启蒙与当代俄罗斯“乡村散文”[J]. 学习与探索,2014(№10)。
5. 赵杨.当代俄罗斯文学中的乡土意识与民族主义——以拉斯普京创作为例 [M]. 南京大学出版社, 2014。
6. 赵杨.拉斯普京作品中的乡土意识[J]. 俄罗斯文艺,2007(№1)。
7. 周振美.评拉斯普京的道德探索[J].文史哲,1991(№4)。
8. 杨世海.揭示分裂, 追寻聚合统一——拉斯普京作品的深层内蕴[J].中南大学学报 (社会科学版) · 2012,18(№3)。
9. 姜丽萍.殊途同归——特里丰诺夫与拉斯普京道德探索之比较[J]. 俄罗斯文艺,2003(№6)。
10. 赵杨.《伊万的女儿,伊万的母亲》简论——兼评拉斯普京 90 年代以来的创作[J]. 当代外国文学, 2006 (№1) 。
11. 王焯姝.拉斯普京创作中的“东正教救世”意识[J]. 内蒙古民族大学学报 (社会科学版) · 2008(№4)。
12. 戴经纶译.瓦·拉斯普京:文学能帮助人……[J].苏联文学,1993(№3)。
13. 闵晶.拉斯普京的宗教意识[J]. 青年文学家, 2013(№5)。
14. 王培英.论拉斯普京创作中的宗教意识[J]. 北方论丛 · 2006 (№2) 。
15. 孙婷.苏联乡村小说中的西伯利亚异质空间——以阿斯塔菲耶夫、拉斯普京和舒克申作品为例[J]. 俄罗斯文艺,2019(№1)。

16. 李勤余. 路遥与俄苏文学中的“乡村—城市”问题[D]. 华东师范大学, 2016。
17. 许勃阳. 从道德主题看当代中苏农村小说——以西伯利亚作家和陕西作家为例[D]. 西方外国语大学, 2018。
18. 赵海霞. “乡村散文”中的对象化空间解析[J]. 解放军外国语学院学报, 2021 (№3)。
19. 王志耕. 当代俄罗斯文学中的“老年叙事”[J]. 中国社会科学报, 2018.4.12.
20. 王丽丹. 原型与变型: 瓦·拉斯普京创作思想的二重性[J]. 文学研究, 2019(№1)。

Reference list

1. Belaja G. A. Filosofsko-jeticheskaja problematika sovremennoj prozy ... Gumanisticheskij pafos sovetskoj literatury = Philosophical and ethical problems of modern prose ... Humanistic pathos of Soviet literature. Moskva : Sovetskij pisatel', 1984. 384 s.
2. Prohanov A. Rasputin: Imperija i narod = Rasputin: Empire and people // «Zavtra», №12, 26 marta 2015 goda.
3. Peterson D. E. “Samovar Life”: Russian nurture and Russian nature in the rural prose of Valentin Rasputin [J]. The Russian Review, 1994 (1).
4. 侯玮红. 启蒙与当代俄罗斯“乡村散文”[J]. 学习与探索, 2014(№10)。
5. 赵杨. 当代俄罗斯文学中的乡土意识与民族主义——以拉斯普京创作为例 [M]. 南京大学出版社, 2014。
6. 赵杨. 拉斯普京作品中的乡土意识[J]. 俄罗斯文艺, 2007(№1)。
7. 周振美. 评拉斯普京的道德探索[J]. 文史哲, 1991(№4)。
8. 杨世海. 揭示分裂, 追寻聚合统一——拉斯普京作品的深层内蕴[J]. 中南大学学报(社会科学版), 2012, 18(№3)。
9. 姜丽萍. 殊途同归——特里丰诺夫与拉斯普京道德探索之比较[J]. 俄罗斯文艺, 2003(№6)。
10. 赵杨. 《伊万的女儿, 伊万的母亲》简论——兼评拉斯普京 90 年代以来的创作[J]. 当代外国文学, 2006 (№1)。
11. 王焯姝. 拉斯普京创作中的“东正教救世”意识[J]. 内蒙古民族大学学报(社会科学版), 2008(№4)。
12. 戴经纶译. 瓦·拉斯普京: 文学能帮助人……[J]. 苏联文学, 1993(№3)。
13. 闵晶. 拉斯普京的宗教意识[J]. 青年文学家, 2013(№5)。
14. 王培英. 论拉斯普京创作中的宗教意识[J]. 北方论丛, 2006 (№2)。
15. 孙婷. 苏联乡村小说中的西伯利亚异质空间——以阿斯塔菲耶夫、拉斯普京和舒克申作品为例[J]. 俄罗斯文艺, 2019(№1)。
16. 李勤余. 路遥与俄苏文学中的“乡村—城市”问题[D]. 华东师范大学, 2016。
17. 许勃阳. 从道德主题看当代中苏农村小说——以西伯利亚作家和陕西作家为例[D]. 西方外国语大学, 2018。
18. 赵海霞. “乡村散文”中的对象化空间解析[J]. 解放军外国语学院学报, 2021 (№3)。

19. 王志耕. 当代俄罗斯文学中的“老年叙事”[J]. 中国社会科学报, 2018.4.12.
20. 王丽丹. 原型与变型: 瓦·拉斯普京创作思想的二重性[J]. 文学研究, 2019(№1)。

Статья поступила в редакцию 19.01.2022; одобрена после рецензирования 07.02.2022; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted on 19.01.2022; approved after reviewing 07.02.2022; accepted for publication on 25.02.2022